

# ПОЛЕМИЧЕСКИЕ КРАСОТЫ

## КОЛЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

### VIII

А вот как раз поспела для украшения моей коллекции 7-я книжка «Отечественных записок» с крупным полемиическим алмазом, который постараюсь я добросовестно отшлифовать в превосходнейший брильянт. Алмаз находится в изобильном редкостями руднике критического отдела. Оно как раз мне с руки: ведь в прежних отрывках я мало занимался этим отделом, так что могло бы это огорчить заведывающего им г. Дудышкина, могло бы показаться г. Дудышкину злостной невнимательностью к нему. Хорошо, что могу я теперь заглазить эту свою вину, отворотить от себя этот упрек.

Эх, г. Дудышкин! где можно бы неспециалисту иметь смелость собственного суждения, там вы не отваживаетесь вникнуть в дело своим умом; а в чем для разбора дела нужно быть специалистом, вы полагаетесь на собственное суждение. Вот, к примеру сказать, хотя бы опровержение, написанное г. Юркевичем против моих статей об антропологическом принципе в философии,— ну, может ли тут неспециалист рассудить, с толком или без толку пишет г. Юркевич? Ведь тут все дело состоит в методологических, психологических, метафизических тонкостях; тут такого рода дело, что глубокомысленно призадумался бы сам Куно Фишер, этот великий мудрец, перевод из которого помещен в июльской же книжке «Отечественных записок». Чтобы понимать эти хитрые подразделения и подразделения, нужно быть специалистом. Вот, например, г. Катков понимает эти вещи. Ему понятно, что говорит в своей статье г. Юркевич; он увидел, что воззрение г. Юркевича близко к направлению, которое считает справедливым сам он; и г. Катков не сделал ошибки, поместив в своем журнале извлечение из г. Юркевича с большими похвалами ему. Я не разделяю этого направления, потому резко отзываюсь о всяких его последователях; но что они довольны друг другом, этому так и быть должно. Ну, а вы-

то с «Отечественными записками» с какой стати восхились статьей г. Юркевича? Вы разве полагаете о себе, что держитесь того же направления? Представьте себе, к вашей беде, заглянул я на оборотную страницу верхнего полуплиста обертки того самого 7-го № «Отечественных записок», в котором вы оттиснули свое восхищение г. Юркевичем. Что же я увидел на этой странице? Крупным шрифтом напечатано следующее объявление:

#### «ОТ РЕДАКЦИИ»

«Так как многие из читателей изъявили желание прочесть все сочинения Бокля «History of civilisation in England»<sup>1</sup> в русском переводе, то редакция «Отечественных записок», напечатав уже шесть глав этого сочинения, намеревается, если не встретит особенных препятствий, перевести его в целости и помещать в журнале в том самом порядке, в каком будет выходить английский подлинник».

Знаете ли, какая комическая вещь выходит из этого? Вот какая. За исключением очень немногих страниц в отделе об энциклопедистах, которых и вы не одобрите, когда прочитаете их, и я не одобряю, — весь первый том Бокля прямо противоположен тому направлению, которым вздумали вы восхищаться в г. Юркевиче. Вот история-то! Уж и подлинно можно назвать ее «историей цивилизации в «Отечественных записках»».

Но вы не огорчайтесь штукою, которая вышла от вашего объявления о переводе Бокля: вы превосходно делаете, что переводите его; от всей души желаю, чтобы не встретили вы препятствий в этом очень полезном деле. Русская публика будет вам благодарна за него.

Хотите, я расскажу вам, как произошел в вас психологический процесс, по которому, печатая Бокля, восхились вы г. Юркевичем? Если вы увидите, что я не ошибусь в объяснении такого изумительного происшествия, то вот вам и будет доказательство, что я — великий мастер производить психологические наблюдения и законы психологии знаю как свои пять пальцев. А согласитесь, что я вызываюсь на пробу очень трудную, потому что разбираемый мною психический акт необычайно мудрен и, по-видимому, нарушает все законы мышления: хвалить то, истреблению чего содействуешь печатанием превосходного сочинения, — ведь это психический феномен, которого не распутал бы сам Кант. А вот я распутаю, подведу его под общие психологические законы.

*Закон первый.* Незнающий влечется подражать знающему. «Русский вестник» похвалил г. Юркевича, вы полеклись хвалить его.

*Закон второй.* Сладко слышать брань на того, кого сам бранишь. Г. Юркевич вооружается на меня; вы также вооружаетесь; потому вам сладко слушать г. Юркевича.

Углубитесь в самого себя, наблюдайте умственным оком ваш психический процесс, вы увидите, что мое объяснение безукоризненно верно.

Но, согласитесь, тяжело вам было это наблюдение вашего психического процесса. Согласитесь, вас беспрестанно отвлекало от этого трудного самонаблюдения мелькание разных посторонних делу представлений, вроде следующих: «нет, я не по примеру «Русского вестника» нашел, что г. Юркевич прав, я сам догадался об этом; я беспристрастен: я понимал сущность спора; направление г. Юркевича — мое направление; я не за то восхитился им, что он пишет против Чернышевского», и т. д., и т. д., — согласитесь, эти иллюзии так и влезали насильно в ваше самосознание, и очень трудно было вам отбиваться от них. Но любовь к истине восторжествовала в вас над этими обольщениями; но напряженное внимание к действительному ходу вашего психического процесса отогнало эти мечты, и вы, наконец, постигли два вышеприведенные психические закона и бестрепетно подвели под них странный факт похвалы г. Юркевичу со стороны журнала, переводящего превосходную книгу Бокля. Честь вам и хвала. Ваш подвиг был труден, но вы совершили его.

Видите ли теперь, как тяжел анализ самосознания, каких особенных приемов он требует? Видите ли, что человеку, специально не занимавшемуся этим предметом, нельзя судить о достоинствах или недостатках статей, к нему относящихся? Зато и плоды этой науки очень вкусны для самолюбия, — не правда ли?

А если правда, то я надеюсь, что вы не откажетесь в благодарность мне за этот урок пересмотреть вместе со мной содержание статьи против меня, которая помещена в июльской книжке «Отечественных записок», в отделе, находящемся под вашим заведыванием (г. Краевский. вероятно, не будет претендовать на то, что я обращаюсь исключительно к вам).

## IX

После некоторых прелюдий, относящихся к языку, статейка, восхищающаяся г. Юркевичем, упоминает о разборе философии г. Лаврова, который был сделан

г. Антоновичем в IV книжке «Современника» нынешнего года. Упоминание об этом разборе основывается на том, что он по направлению сходен с моими статьями об антропологическом принципе. Положим, сходен, но следовало ли вам заговаривать об этой статье, которая отозвалась на вашем журнале уморительными последствиями, показывающими, что вы как прочли ее, так тотчас же и изменили свое мнение о достоинстве трудов г. Лаврова. Уж лучше молчали бы вы. А если непременно хочется вам говорить, то признались бы, что статья г. Антоновича раскрыла вам глаза<sup>2</sup>.

Но вам хочется побранить ее. Любопытно послушать, за что вы ее браните. Вот единственный недостаток, который вы в ней нашли: «никакого умственного напряжения не нужно, чтобы понять все, что говорит г. Антонович. Ясность (этой статьи) поразила всех». Сообразите сами, достоинством или недостатком должна считаться ясность? Разумеется, каждый неглупый человек почтет, что вы хвалите статью г. Антоновича, выставляя в ней такое качество. А вы думаете, уронили ее этим. Как случилась с вами эта вторая «история вашей цивилизации», я опять расскажу вам.

Вы наслушались, что философия — предмет головоломный. Вы пробовали читать философские статьи вроде произведений г. Лаврова и ровно ничего не понимали. А г. Лавров был, по вашему мнению, хороший философ. Вот и состроился у вас в уме силлогизм такого рода: «философии я не понимаю; следовательно, то, что я могу понимать, — не философия». Вы ведь так прямо и говорите: г. Антонович пишет ясно, стало быть, нет философии у него в статье. Но ведь это прилично было вам думать, когда вы о философии судили по статьям г. Лаврова. Ну-с, а ведь теперь вы уже находите, что философские статьи г. Лаврова были плохи (признавайтесь, что находите: ведь у нас есть улика тому); так не следовало ли бы вам рассудить таким манером: «о каком бы предмете ни заговорил человек, образ мыслей которого туманен, речь его будет туманная, головоломная. А сама по себе философия, быть может, и не бог знает какая непонятная наука». Вы не ошиблись бы в этом.

Но о статье г. Антоновича говорится только так, кстати, что вот, дескать, она совершенно такая же, как и статья Чернышевского об антропологическом принципе, — философии не может быть в этих статьях, потому что они ясны. Затем говорится уж обо мне одном.

«Статья г. Чернышевского вызвала ответ в г. Юркевиче, в «Трудах Духовной Академии киевской», такой ответ, который поставил г. Юркевича сразу на первое место между всеми, кто когда-либо писал у нас о философии» (значит выше Белинского, у которого очень много относящегося к философии, выше автора «Писем об изучении природы»?<sup>3</sup> Хорошо. Но ведь не выше же г. Гогоцкого и г. Ореста Новицкого? Зачем обижать этих великих мыслителей той же самой школы, как и г. Юркевич?). «Только помним мы статьи И. В. Киреевского» (отлично! так добрый и почтенный И. В. Киреевский был, по-вашему, действительно философ, а не просто наивный мечтатель? Но ведь уж если так, вы должны признать своим главнейшим авторитетом покойного Хомякова. Так вы кстати уж переименовали бы свой журнал из «Отечественных записок» в «Русскую беседу» или «Возобновленный Москвитянин»), «отличавшиеся тою простотою и ясностью философского изложения, с которою мы встретились у г. Юркевича. Знание систем философских, полное усвоение предмета и самостоятельное к нему отношение — вот заслуги г. Юркевича» (дай бог ему всяких совершенств!). «По направлению своему — он идеалист, и точки опоры в его учении так глубоко им обследованы и тонко проведены, что на русском языке мы ничего подобного не читали» (помилуйте, г. Гогоцкий точно так же глубоко и тонко все это исследовал), «и в этом совершенно согласны с «Русским вестником» (так же, как я во всем совершенно согласен с «Горным журналом», — предмета не знаю, статей не понимаю, но, полагаю, что они писаны людьми знающими, потому и принимаю все их слова на веру), «который распространил эту статью. Перепечатывать статьи мы не станем; мы приведем из нее два только места: одно «о превращении раздражения нерва в ощущение» и другое об изменении «количественного» в «качественное». На этих двух положениях все остальное держится» («Отеч. Зап. Русск. литер., стр. 41, 42). Но прежде того вынуждается окончание статьи г. Юркевича, очень сильно поражающее меня, как невежду. Ну, хорошо, — если я невежда, так вы рассудили ли, что вам-то не следовало бы говорить об этом? В «Русском вестнике», например, я не писал; он не компрометирует себя толками о моем невежестве. А ведь в «Отечественных записках» я довольно много писал в начале своей литературной деятельности<sup>4</sup>, — так у вас, значит, невежды могут бывать сотрудниками, да еще такими, которыми редакция до-  
ржит?

Напрасно вы повторяете чужие слова о моем невежестве, г. Дудышкин; другие журналы могут это говорить, а вашему журналу неловко. Приведа отзыв г. Юркевича о моем невежестве, «Отечественные записки» делают выписку из него же о том, что «пространственное движение нерва не есть еще непространственное ощущение», и о том, что «переход от количественного к качественному ясен только для одного «Современника», для всех же других составляет необъяснимую задачу». Видите, г. Дудышкин, о каких технических тонкостях рассуждает г. Юркевич, а вы беретесь судить о его статье, решаете, что он прав, когда не умеете даже различить, в каком духе он пишет, и не расходится ли он, например, с вашим собственным Боклем ровно настолько же, насколько со мною. «Отечественные записки» продолжают:

«Читатель видит по этим выпискам, которые могут дать понятие о прекрасной статье г. Юркевича, заключающей в себе целый трактат о философии, видит, что имеет дело с человеком, хорошо знающим предмет» (видит или нет читатель, это как случится; а сами-то вы видите ли, или только с чужих слов говорите?). «Г. Юркевич не прибегает к площадным шуткам, чтоб задобрить читателя, не боится подходить к предмету и сказать: это еще не доказано никем, этого мы не знаем, хотя имел бы гораздо больше поводов, нежели г. Чернышевский, говорить с уверенностью. По крайней мере, ясно одно, что такое возражение заслуживает подробного ответа». (Уверяю вас, что не заслуживает, с моей точки зрения. Если бы какой-нибудь ученый стал доказывать, что ошибаетесь вы, отвергая алхимию или кабалистику, вы почли ли бы его сочинение достойным подробного опровержения? Как вы смотрите на ученых, держащихся алхимического или кабалистического учения, так я смотрю на школу, к которой принадлежит г. Юркевич. Хороша или дурна теория, которой держусь я, об этом может думать каждый, как ему угодно; но что человек, держащийся такой теории, должен считать смешными и пустыми возражения, делаемые теоретиками школы, к которой принадлежит г. Юркевич, это — факт, известный каждому специалисту; вы удивляетесь этому лишь оттого, что взаимные отношения разных философских направлений плохо известны вам.) «Что же делает г. Чернышевский? А то же, что он делает всегда, когда у него потребуют серьезного ответа: отделяется непозволительно развязностью» (то есть когда ж это «всегда»? Я в течение нескольких лет не вел никакой полемики и ровно ничего не отвечал ни на какие вызовы

и возражения, следовательно, не могло быть ни развязности, ни неразвязности в моих ответах по той простой причине, что ответов вовсе не существовало; а прежде, когда вел полемику, случалось мне писать огромнейшие и обстоятельнейшие возражения на заметки против меня), «которая, наконец, переходит в дерзость по отношению к г. Юркевичу» (что делать? Если вы уважаете, а я не уважаю известное направление, то мои отношения к нему будут вам казаться непозволительно дерзкими. Точно таковы же кажутся людям, уважающим направление г. Аскоченского, ваши отношения к нему). «Мы уверены, что последователи г. Чернышевского найдут такой ответ крайне остроумным. Вот что говорит г. Чернышевский» («Отечественные записки», «Русская литература», стр. 55). Тут выписана первая половина моего отзыва о статье г. Юркевича; затем следует:

«Как вам нравится этот ответ! Другими словами, г. Чернышевский говорит: вы несчастный человек, г. Юркевич, потому что учились в семинарии и учились по плохим руководствам» (что ж, разве это неправду я говорю?). «А вот я потом достал славные книжки: в них написано все то, что я говорю. Поверьте мне, и если вы еще не устарели, то я могу пособить вашему горю, пришлю вам мои книжки. Из них вы и увидите, что я прав!» (Что ж, мне кажется, что тут я выразил доброжелательность; ну, скажите, а вы разве иначе отвечали бы человеку, который, например, делал бы против ваших историко-литературных статей возражения по учебнику г. Зеленецкого?)

«Нам эти слова напомнили блаженной памяти барона Брамбеуса, который всегда отвечал в этом роде, когда Белинский заставлял его отвечать категорически. Только барон Брамбеус отвечал часто гораздо остроумнее г. Чернышевского, например, он отвечал так иногда: «а когда-нибудь на досуге напишу вам ответ на латинском языке». Но теперь и барон Брамбеус не писал бы таких ответов (,потому что времена переменялись и можно» (да? как вы счастливы!) «отвечать на то, что спрашивают»). В те злополучные времена, когда наша философия крылась под эстетическими рецензиями на Гоголя, Жорж Занда, Сю, противники Белинского, к которым принадлежал Сенковский, чтоб вести спор околицей, переименовали мадам Дюдеван в г-жу «Спередка» и разыгрывали на эту тему свои замысловатые рецензии. И тогда подобные рецензии приводили в омерзение: что же сказать, когда ту же проделку употребляет г. Чернышевский с г. Юркевичем в споре первой важности, в вопросе, поставленном ясно?

Если барон Брамбеус и в то злополучное время, в которое жил, упал в общем мнении за подобные проделки, и публика отвернулась от него, то чего же хочет г. Чернышевский — в наше?»

Вы изволите сравнивать меня с бароном Брамбеусом? Ну, что ж, если разобрать это сравнение, то ведь окажется, что вы употребили его, не сообразив, что из него выходит.

Дело идет об обширности моих знаний. Я похож на барона Брамбеуса, то есть на покойного Сенковского. Кто же сомневается, что Сенковский владел знаниями изумительно обширными? Что ж из этого выходит о моих знаниях, если я похож на него? Вот что значит неловкость в полемике — хотели сказать, что я невежда, а из ваших слов оказалось, что вы сами считаете меня человеком очень обширных сведений. Куда же вам полемизировать?

Но я похожу, по вашим словам, на Сенковского тем, что люблю отшучиваться от возражений. Хорошо. Почему же Сенковский любил отшучиваться? Потому что был человек очень сильного ума, находивший, что при своем уме имеет право презирать противников. Это вы хотели сказать обо мне? Должно быть, не это, а из ваших слов это выходит. Благодарю вас: вы внушаете читателю мысль, что я — человек очень сильного ума, чувствующий свое превосходство над своими противниками. А ведь действительно чувствую (и вы сами наверное чувствуете) мое превосходство над вами. Что ж делать, не могу не чувствовать: вы слишком плохо полемизируете.

Но Сенковский упал в общем мнении, — вы предсказываете ту же судьбу и мне. Только напрасно вы наговорили лишнего для вашей цели, наговорили таких вещей, которыми прямо уничтожается во мне это опасение. Вы упомянули, что Сенковский вооружался против Белинского, Гоголя, Жоржа Занда, то есть против того, что я защищаю. Стало быть, если Сенковский упал за свое направление, то меня ждет участь прямо противоположная. Я буду возвышаться в общем мнении. Это вы хотели сказать? Нет, не хотели? Так зачем выходит это из ваших слов? Плохо, плохо вы полемизируете. Посмотрим, что-то у вас дальше.

«Полноте, г. Чернышевский! в наше время нельзя всего знать — и естественных наук, и философии и политической экономии, и истории всеобщей и русской, и литературы. Кто все это знает, тот ровно ничего не знает. Эту, по крайней мере, аксиому затвердила наша литература, и ее мы можем привести против вас. А вы ведь все знаете!

Это подозрительно что-то» («Отечественные записки», июль, Русская литература, стр. 56, 57).

Да кто вас уверял, что я все знаю? Всего никто не знает: ни Монтэнь, ни Вольтер, ни Гейне, ни даже сам Бэль не знали. Неужели я вам должен объяснять разницу между начитанностью и специализмом, между специальным ученым, который двигает вперед одну науку или одну отрасль науки, и между журналистом, которому довольно быть образованным человеком, который только популяризирует выводы, сделанные учеными, только осмеивает грубые предрассудки и отсталость? Неужели вы не сообразили, в какое смешное положение ставите себя вы, журналист, притворяясь, будто не знаете, что такое журналист? Не постигаю, что за радость выставлять вам себя человеком, ничего не понимающим, — даже своей профессии. Неужели, по-вашему, журналист должен писать только о том, в чем он специалист? Да ведь если так, то журнал обратится в *Comptes rendus* парижского Института<sup>5</sup>.

Но вы интересуетесь лично мною: вам угодно знать, ученый ли я человек? Извольте. Давно уж не занимаюсь я специально ничем, кроме политической экономии. Прежде занимался я кое-какими другими предметами довольно усердно, так что хотя перезабыл много мелочей из них, но судить о том, что пишут по этим предметам другие, очень могу. Что тут удивительного? Но прежде всего я по профессии — журналист, подобно вам, то есть человек, старающийся знать успехи умственной жизни по всем вопросам, интересующим вообще всех образованных людей. Вы так понимаете профессию журналиста или нет?

Или вам все не то хочется узнать, а то, как обширны мои знания? На это могу отвечать вам только одно: несравненно обширнее ваших. Да это вы и сами знаете. Так зачем же вы добивались получить печатно такой ответ? Нерассудительно, нерассудительно вы подводили себя под него.

Да вы, пожалуйста, не примите этого за гордость: есть чем тут гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять не примите этого так, что я хочу сказать, будто вы имеете слишком мало знаний. Нет, ничего-таки: кое-что знаете и вообще вы человек образованный. Только напрасно вы так плохо полемизируете. Ну что, прямо я отвечал или все отшучивался от ответа?

Далее следует выписка из физиологии Льюнса<sup>6</sup> о различии физиологических процессов от химических. Защитник г-на Юркевича в «Отечественных записках», во-

ображая, что г. Юркевич смотрит на это дело одинаково с Льюисом, говорит:

«Сравните этот отрывок из Льюиса с тем, что говорит г. Юркевич, и вы увидите, что нашему киевскому профессору известны последние исследования не хуже г. Чернышевского. Следовательно, он знает не одни семинарские тетрадки и учебники, как заверяет г. Чернышевский. Мы это говорим только для тех, которые думают, что все сказанное с размаху, очертя голову» (т. е. кем же это? мною, что ли?) «непременно и справедливо; а у нас, к сожалению, таких людей очень много» (ну, ловко ли вы полемизируете, признавая тут, что у нас очень много людей, одобряющих мои статьи? Эх, несообразительность-то какая! А еще туда же полемизировать хотите!). «Пожалуй, подумали бы, что г. Юркевич — схоластик, а г. Чернышевский — прогрессист!»

Вам показалось, будто между словами г. Юркевича и Льюиса есть сходство; в словах-то есть сходство, да в смысле-то слов нет его. Вы понимаете ли, к чему клонит дело г. Юркевич? К поддержке идей прямо противоположных — чему бы, как это выразить? — ну, хоть так скажу: прямо противоположных идеям Бокля, которого вы переводите. А Льюис вовсе не к тому ведет дело. Он только доказывает, что каждая отдельная наука рассматривает частные видоизменения общих законов природы в особенных условиях. Прочтите у Льюиса всю главу, из которой отрывок взяли вы, и вы убедитесь, что мысли г. Юркевича от его мыслей так же далеки, как от моих. С Льюисом-то я совершенно соглашаюсь, а спросите-ко у г. Юркевича мнение о школе, к которой принадлежит Льюис, он вам таких любезностей о ней наговорит, что вы с своим Льюисом жизни не рады будете, если дорожите мнением г. Юркевича. Но с вами надобно говорить яснее. Ведь для вас все еще остается в тумане предмет, за который спорил против меня г. Юркевич. Извольте. Объясню это дело по возможности.

Вы видите ли, по крайней мере, то, что я с вами делаю? Я не пропускаю почти ни одного из ваших слов, беру вашу речь целиком. Но зачем я это делаю? затем ли, чтобы соглашаться с вами? Нет, я делаю вставки к вашим словам, переставляю их, переворачиваю, и выходит смысл, противоположный тому, какой они имели у вас. Например, вы говорите, что я невежда; я перебираю ваши слова, и выходит из них, что я человек чрезвычайной учености; вы говорите, что я затрудняюсь отвечать на возражения, я опять перебираю ваши слова, и выходит из них, что вы

сами признаете меня несравненно сильнее людей, делающих мне возражения. Понимаете ли теперь, как и для чего я пользуюсь вашими словами? А между тем ведь я воспользовался ими, не правда ли?

Вот точно так же пользуется трудами естествоиспытателей школа, к которой принадлежит г. Юркевич. Она пересматривает труды добросовестных специалистов, чтобы выворачивать факты в пользу теории, прямо противоположной взгляду этих естествоиспытателей.

Вы, по всей вероятности, находите, что я искажаю смысл ваших слов? А я полагаю, что вы сами не сообразили, что такое говорили, и что я подмечаю в ваших словах истинный смысл их, которого вы не заметили.

Вот точно так же школа г. Юркевича думает, что естествоиспытатели сами не понимают того, что излагают, и что только она влагает в заимствуемые у них факты истинный смысл, прямо противоположный заблуждающемуся взгляду естествоиспытателей. А естествоиспытатели находят, что эта школа искажает смысл фактов, которые заимствует у них.

Вам все еще, может быть, не совсем понятно дело? Поясню я примером, — у меня страсть к примерам. (Вот вы над этим бы подсмеялись, что иногда пристрастие к ним делает мои статьи растянутыми, — уличить меня в этом недостатке вы были бы в силах, а то хватаетесь за такие стороны дела, с которыми не сладите.) Ну-с, так приведу вам пример.

Вы курите сигары? Вы очень хорошо знаете, что сырые сигары плохи, а сухие гораздо лучше. Прекрасно; каким же образом получаются сухие сигары? И это вы знаете. Наделав сигар, фабрикант, дорожащий репутацией своей фабрики, оставляет их очень долго, быть может, года два или три, лежать в обыкновенной комнатной температуре. В это время они и высухают. Хорошо; но ведь до такой же степени сухости можно было бы довести сигары в какиенибудь два часа времени, поместив их в горячую температуру, например, хоть градусов в 60. Почему же это не годится? А вот почему, как вы сами знаете. Когда сигара сохнет быстро, то ингредиенты, от которых зависит вкус ее, входят в химические соединения, при которых вкус сигары портится; а если она сохнет очень медленно, ингредиенты эти соединяются между собою другим способом, при котором сигара получает хороший вкус. Вы знаете, что это так? Хорошо; что же из этого следует? Следует вот что. Процесс испарения воды, находящейся в сырой сигаре, приводит к известному результату, когда совершается

медленно; а когда совершается быстро, результат бывает вовсе не таков.

Вот в этом самом роде рассуждает и Льюис о разнице между химическим процессом, совершающимся в реторте, и между пищеварением, совершающимся в обстановке, очень различной от химической реторты. Он говорит вот в каком духе: сварите говядину на очень сильном огне, — вы получите бульон известного сорта; сварите ее на слабом огне, медленно, — вы получите бульон совершенно иного сорта; если же вы вместо простой воды будете варить говядину в каком-нибудь кислотном растворе (например, вроде кваса или сока кислой капусты), у вас выйдет бульон опять иного сорта. Словом сказать, результат процесса изменяется от каждой перемены в условиях процесса. Вот Льюис и говорит, что каждый из этих случаев надобно наблюдать особенно и не смешивать с другими. Что ж, по моему мнению, он говорит правду.

А школа, к которой принадлежит г. Юркевич, что выводит из подобных фактов? — что, дескать, естественные науки объясняют нам только одну сторону жизни, а другую, высшую, мы познаем, и т. д., и т. д., и что-де натуралисты — пропащий народ. Вы соглашаетесь с этим направлением?

Ясно ли для вас хоть теперь?

А может быть, еще не ясно? Если так, потолкуем с вами еще немного. Как вы полагаете, не действуют ли в знаменитом Юме какие-то особенные, удивительные силы? или он просто ловкий фокусник? Сколько я знаю вас, вы, вероятно, полагаете, что он просто фокусник. А по методе, которой держится школа, имеющая своим оратором г. Юркевича, надобно отвечать так: «Позвольте, остановитесь, не будьте опрометчивы. Может ли какая-нибудь химия или физиология объяснить тот факт, что г. Юм видит из Петербурга человека, сидящего в Пенсильвании, в Америке, и сообщает вам точные сведения о его здоровье, видит, что он болен флюсом и ставит себе пиявки к десне. Позвольте вас спросить, милостивый государь, как вы объясните этот факт вашею химиею или физиологиею, вашею катоптрикою или диоптрикою? Сознайтесь, м. г., что тут действуют в г. Юме какие-то особенные силы!» Сколько я вас знаю, вы очень хладнокровно будете отвечать такому вашему изобличителю: «М. г., этого факта, на который вы ссылаетесь, решительно нет, а есть другой факт, которого не угодно вам замечать. Ничего находящегося в Америке г. Юм из Петербурга не видел; он только дурачил вас».

3. Вот точь-в-точь такого рода спор между теорией естествоиспытателей, которая кажется мне справедлива и которую я стараюсь популяризовать по своей профессии журналиста, и между школой, к которой принадлежит г. Юркевич. Вы на чьей стороне были бы в подобном споре? Сколько я вас знаю, были бы вы на моей стороне, только не удалось вам разобраться, в чем спор.

Но мой пример не кончен. Я остановился на том, что вы говорите своему возражателю, приверженцу Юма: «Я отрицаю действие особенных сил в Юме, потому что не теми, как вы, глазами смотрю на факт, сбивающий вас с толку». Но ведь этот противник не оставит вас без ответа. Он скажет вам, что «люди, наблюдавшие Юма, остались убеждены, что это не фокусы», он прибавит: «вы познакомьтесь с этими людьми, они вам расскажут много такого, чего вы не знаете; в ваших словах, отвергающих мое мнение о Юме, я вижу только наглость вашего незнания». Что вы станете делать с таким человеком? Смотря по расположению духа: если вы не расположены смеяться, то уйдете от него, а если расположены смеяться, станете насмехаться над ним. В том и другом случае вы будете правы: с таким человеком или вовсе не стоит говорить, или нельзя говорить без насмешки. Теперь я прошу вас прочесть следующий отрывок из вашей брани на меня за г. Юркевича. Выписав вторую половину моего отзыва о статье г. Юркевича, где я говорил, что читать статью г. Юркевича мне незачем, потому что по самой рекомендации «Русского вестника» я вижу совершенное сходство ее с вещами, которые некогда заставляли меня учить наизусть, — сделав эту выписку, статейка «Отечественных записок» продолжает:

«Понимаете ли вы, что это такое? Видите ли, куда мы гнем?» (уж не знаю, видно ли вам хоть теперь, куда я гну; а куда гнет г. Юркевич, вы, наверное, не видели, когда писали эти строки). «Сказано, что все это вздор, который мы не станем читать. Вот что подразумеваем мы под словами г. Чернышевского.

Да помилуйте, г. Юркевич вам доказывает: 1) что вы не знаете той философии, о которой говорите; 2) что вы смешали метод естествознания, применяемый к психическим явлениям, с самым изъяснением душевных явлений; 3) что вы не поняли важности самонаблюдения как особенного источника психологических познаний; 4) вы перемешали метафизическое учение о единстве бытия и физическое учение о единстве материи; 5) вы допустили возможность превращения количественных разностей

в качественные; 6) наконец вы допустили, что всякое воззрение есть уже факт науки, и таким образом утратили разницу жизни человеческой от животной. Вы уничтожили нравственную личность человека и допускаете только эгоистические побуждения животного.

Кажется ясно: дело идет уже не о ком-либо другом, а о вас, не о философии и физиологии вообще, а о вашем незнании этих наук. К чему же тут громоотвод о семинарской философии? Зачем смешивать вещи совершенно разные и говорить, что вы все это знали уже в семинарии, и даже теперь помните наизусть?»

На все это я хотел бы сказать одно: да как же не говорить мне того, что, по моему мнению, совершенно справедливо? Но в удовольствии вам разъясню дело, — впрочем, опять-таки ссылкой на те же самые тетрадки, незнакомство с которыми не дозволило вам понять в чем дело.

Если бы потрудились вы пересмотреть эти тетрадки, вы увидели бы, что все недостатки, которые г. Юркевич открывает во мне, открывают эти тетрадки в Аристотеле, Бэкоме, Гассенди, Локке и т. д., и т. д., во всех философах, которые не были идеалисты. Следовательно, ко мне, как отдельному писателю, эти упреки вовсе не относятся; они относятся собственно к теории, которую популяризовать я считаю полезным делом. Если вы не верите, загляните в принадлежащий тому же, как г. Юркевич, направлению «Философский словарь», издаваемый г. С. Г., — вы увидите, что там про каждого не-идеалиста говорится то же самое: и психологии-то он не знает, и естественные-то науки ему неизвестны, и внутренний-то опыт он отвергает, и перед фактами-то он падает во прах, и метафизику-то он с естественными науками смешивает, и человека-то он унижает, и т. д., и т. д. Скажите же, какая мне надобность серьезно смотреть на автора ли известной статьи, на людей ли, его хвалящих, когда я вижу, что лично против меня они повторяют вещи, испокон века повторяемые про каждого мыслителя школы, которой я держусь? Я должен судить так: или они не знают, или они притворяются незнающими, что это — упреки не против меня, а против целой школы; следовательно, они люди или плохо знакомые с историей философии, или только действуют по тактике, фальшивость которой сами знают. В том или другом случае такие противники недостойны серьезного спора.

Скажите, например, если бы кто стал лично вас упрекать в незнании за то, что вы считаете народность важным для литературы элементом, относился ли бы этот упрек лично к вам? Нет, он относился бы к целой школе. Почли

ли бы вы за нужное доказывать, что, дескать, «если я называю народность важным элементом литературы, это еще не признак моего незнания», — конечно, вы почли бы ниже своего достоинства доказывать это.

Но вам, по вашему знакомству с предметом спора, мои слова, быть может, еще не совсем ясны. Постараюсь сделать для вас еще несколько объяснений.

Извольте ли вы знать, что называли невеждой — не то что меня, а, например, Гегеля? Известно ли вам, за что его называли невеждой? За то, что он имел известный образ мыслей, не нравившийся некоторым ученым. Как вы полагаете, невежда был Гегель или нет? А кто, вы думаете, называл его невеждой? Люди той самой школы, к которой принадлежит г. Юркевич.

Известно ли вам, что называли невеждою Канта? За что называли, справедливо ли называли, какие люди называли, — это все то же, что в прежнем примере.

Известно ли вам, что называли невеждою Декарта? За что, справедливо ли и какие люди называли, — это все то же, как в прежнем примере.

Возьмите какого угодно другого мыслителя, подвигавшего науку вперед, каждый подвергался тому же самому обвинению, за то же самое и от тех же самых людей.

Умеете ли вы сделать вывод из этих фактов? Если бы умели, мне не пришлось бы объясняться с вами; но по всему видно, что не умеете; стало быть, я должен подсказать его вам. Вот он:

Люди рутины упрекают в невежестве всякого нововводителя за то, что он — нововводитель.

Прошу вас запомнить это. Память об этом избавит вас от многих промахов.

Но вы знаете этот вывод только как факт. А вы расположены, как видно, любопытствовать о философских материях. Для вашего удовольствия я выведу неизбежность этого факта из психологических законов.

Положим, что известный человек совершенно удовлетворяется известным умственным или житейским положением. Если приходит другой человек и говорит: «оно неудовлетворительно», у человека, удовлетворяющегося этим положением, непременно рождается мысль: «он не удовлетворяется им потому, что незнаком с ним». Рождается она вот как. Что совершенно удовлетворительно, то хорошо. Кому хорошее не кажется хорошо, тот не видит, что оно хорошо. Кто говорит о хорошем, не видя, что оно хорошо, тот не знает хорошего. Таким-то путем люди, удовлетворяющиеся чем-нибудь неудовлетворительным, при-

ходят к мысли, что неудовлетворяющийся этим неудовлетворительным не знает его. Это неизменно бывает во всех сферах жизни и мысли. Если, например, вы скажете пьянице, что пьянство нехорошо, он непременно возразит вам: «а попробуй-ка выпить, увидишь, что хорошо». Если вы предлагаете куцу, торгующему по нашим обычаям, продавать товары по неизменной цене, *prix fixe*, без торгу, без запрашивания, он непременно возразит вам: «это вы говорите потому, что нашего торгового дела не знаете». Помните ли, когда стали рекомендовать стетоскоп для распознавания грудных и других внутренних болезней, опытные практиканты возражали: «вы толкуете о стетоскопе потому, что лечить не умеете; нам стетоскоп не нужен»? Так и во всем; так между прочим и в философии. Поняли?

Или все еще непонятно для вас? Но если все еще непонятно для вас, то мне уже наскучило объяснять. Оставайтесь при своем непонимании. Значит, уж не судьба вам понимать что-нибудь в философии. Но чтобы не огорчать вас, я предположу, что вы, наконец, поняли, и скажу вам заключение из всего прочитанного вами, как будто вы поняли то, что прочли. Вот это заключение.

Теория, которую считаю я справедливой, составляет самое последнее звено в ряду философских систем<sup>7</sup> Если вы этого не знаете, а верить мне на слово не хотите, рекомендую вам взять какую вы хотите историю новейшей философии, — в каждой такой книге вы найдете подтверждение моим словам. По одному историку теория эта справедлива, по другому — несправедлива; но все они единодушно скажут вам, что эта теория действительно последняя, вышедшая из гегелевской точно так же, как гегелевская вышла из шеллинговой. Вы можете осуждать меня за то, что я признаю прогресс в науке и нахожу последнее слово ее самым полным и справедливым. Это как вам угодно. Быть может, по-вашему, старое лучше нового. Но допустите же возможность думать иначе.

Припомните теперь психологический закон, что всякого нововводителя рутинисты называют невеждою. Вы поймете, что основателя теории, которой держусь я, называют невеждою приверженцы предшествовавших теорий.

Но уже, надеюсь, и без всяких моих объяснений сами вы поймете, что когда известными людьми взводится известное порицание на учителя, то распространяется оно ими и на учеников, верных духу учителя; следовательно, должно распространяться и на меня в числе других.

Но вам все-таки, может быть, еще не ясно дело, — вам, вероятно, хотелось бы узнать, кто же такой этот учитель, о котором я говорю? Чтобы облегчить вам поиски, я, пожалуй, скажу вам, что он — не русский, не француз, не англичанин; не Бюхнер, не Макс Штирнер, не Бруно Бауер, не Молешотт, не Фохт, — кто же он такой? Вы начинаете догадываться: «должно быть, Шопенгауер!» восклицаете вы, начитавшись статей г. Лаврова. Он самый и есть, угадали.

Но скажите сами: виноват ли я в том, что говорю с вами так свысока, — виноват ли я в этом, когда вы ставите себя относительно меня в такое положение, что я должен разъяснять вам подобные вещи? Если, например, вы скажете, что император Петр Великий победил Карла XII под Полтавой и если какой-нибудь господин закричит вам: «невежда, вы не знаете русской истории!» — вы ли будете виноваты в том, что станете отвечать этому господину таким тоном, каким вот я отвечаю вам?

Полюбуйтесь теперь на нравоучение, которое извлеку я для вас из окончания статейки «Отечественных записок». Она вопрошает, обращаясь ко мне:

«Вы говорите, что не читали этой статьи?» (то есть статьи г. Юркевича). «Правда ли это? Нет ли и здесь той скрытой, преднамеренной причины, чтоб оставить за собой мнение в публике о вашем глубокомыслии, так сильно пострадавшем? Мы, мол, этаких статей читать не станем... А ведь выходит, что вы прочли статью и знаете, что в ней кроется. Ваш ответ вы сами начинаете так: Вот капитальнейшая статья полемиического отдела IV книжки «Русского вестника». Почему ж это вы узнали, что это капитальнейшее возражение на ваши умствования?» («Отечественные записки», июль, Русская литература, стр. 60, 61).

Вам кажется невероятно, что я не полюбопытствовал прочесть статью г. Юркевича. Очень верю, что для вас кажется это невероятно. Каждый человек измеряет других собою. Что ниже его или равно ему в других, то он понимает, возможности того он верит; что выше его способностей или развития, того он не понимает, тому он не верит. Доказать вам это? Извольте. В ком не пробудилось желанье учиться грамоте, тот не понимает, как это другие люди находят удовольствие в чтении книг. А мы с вами, успевшие стать выше этого человека, понимаем его мысли. Но мы с вами не занимались высшей математикой, — признайтесь, что вам не совсем понятно, как это люди могут с наслаждением сидеть по целым дням за формулами ин-

тегралов: это нам с вами кажется странно. Вот вам относительно степени развития способностей. Теперь относительно природной силы способностей. Человек с характером, способным к самопожертвованию, понимает самопожертвование; человек с сухим сердцем не понимает, как это люди могут жертвовать собой для других людей или для идей, — ему это представляется помешательством или лицемерием. Кто неловок от природы, тот решительно не понимает, как это люди могут держать себя изящно; и если он станет заботиться об этом, он станет держать себя еще нелепее прежнего; это значит, что он действительно не понимает, в чем же состоит изящество. Вот точно то же и наше с вами дело.

Считайте следующие мои слова самохвалством или чем вам угодно, но я чувствую себя настолько выше мыслителей школы г-на Юркевича, что решительно нелюбопытно мне знать их мысли обо мне, — точно так же, как, например, вам вовсе нелюбопытно знать, какие достоинства или недостатки находит в ваших критических статьях какой-нибудь почитатель романов г. Рафаила Зотова.

Теперь вообразите, что этот почитатель романов г. Рафаила Зотова напечатал разбор ваших статей; если у вас работы довольно много и для часов досуга есть другие планы развлечений или любимых занятий, то удивительно ли будет, что вы не прочтете эту статейку? Вот точно так же мое отношение к статье г. Юркевича.

Вам кажется это невероятно? Что же делать, вы только заставляете меня предполагать, что многое, мелкое для меня, для вас крупно.

Где же вам вести полемику, когда вы подводите себя под такие ответы?

Да, ведь у вас остается очень сильный аргумент: если я не читал статью г. Юркевича, то почему же я знаю, что она «капитальнейшая полемическая статья в 4 № «Русского вестника»»? Да ведь «Русский вестник» объявлял об этом сам в статье «Старые боги и новые боги», что вот, дескать, мы поместим извлечение из превосходной статьи г. Юркевича, которой придаем необыкновенную важность. В прочтенном мною предисловии к этому извлечению он опять повторял то же самое, — вот я в насмешку и назвал эту статью самой капитальной. А вы и того не поняли, что слово «капитальный» тут употреблено в насмешку? Что за наивность такая в вас: как же не знать, что если в полемике употребляются похвальные или торжественные выражения, то их надобно понимать за насмешку? Чтобы это вам было понятней, приведу пример: «восхитительная

статья «Отечественных записок» о г. Юркевиче прочитана была мною с благоговением к великой философской учености ее автора», — ну вот попробуйте разобрать теперь, в каком это смысле я говорю, в прямом или в ироническом? Или и этого не разберете?

Удивляете вы меня своею проицательностью. Как вы не сообразили хоть следующего факта: беру я целых 9 страниц из статьи г. Юркевича, изобличающей мое невежество, и перепечатаваю эти страницы в своей статье без всякого возражения, — ну как вы полагаете, сделал ли бы я это, если б не был очень твердо убежден, что перепечатываемые мною страницы слишком плохи? Если бы вы умели соображать, этот один факт уже показал бы вам, как слабы должны быть возражения, которые может придумать против меня философ такого направления, как г. Юркевич. [...]